

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Столетник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474285

Аннотация

«Это происходило в большой оранжерее, принадлежавшей очень странному человеку – миллионеру и нелюдиму, тратившему все свои несметные доходы на редкие и красивые цветы. Оранжерея эта по своему устройству, по величине помещений и по богатству собранных в ней растений превосходила знаменитейшие оранжереи в мире. Самые разнообразные, самые капризные растения, начиная от тропических пальм и кончая бледными полярными мхами, росли в ней так же свободно, как и у себя на родине...»

Александр Иванович Куприн Столетник

Это происходило в большой оранжерее, принадлежавшей очень странному человеку – миллионеру и нелюдиму, тратившему все свои несметные доходы на редкие и красивые цветы. Оранжерея эта по своему устройству, по величине помещений и по богатству собранных в ней растений превосходила знаменитейшие оранжереи в мире. Самые разнообразные, самые капризные растения, начиная от тропических пальм и кончая бледными полярными мхами, росли в ней так же свободно, как и у себя на родине. Тут были: гигантские латании и фениксы с их широкими зонтичными листьями; фиговые и банановые, саговые и кокосовые пальмы возвышались к стеклянному потолку длинные голые стволы, увенчанные пышными пучками раскидистых листьев. Здесь же росли многие диковинные экземпляры, вроде эбенового дерева с черным стволом, крепким, как железо, кусты хищной мимозы, у которой листья и цветы при одном прикосновении к ним мелкого насекомого быстро сжимаются и высасывают из него соки; драцены, из стеблей ко-

торых вытекает густой, красный, как кровь, ядовитый сок. В круглом, необычайно большом бассейне плавала царственная Виктория, каждый лист которой может удержать на себе ребенка, и здесь же выглядели белые венчики индийского лотоса, распускающего только ночью свои нежные цветы. Сплошными стенами стояли темные, пахучие кипарисы, олеандры с бледно-розовыми цветами, мирты, апельсиновые и миндальные деревья, благоухающие китайские померанцы, твердолистые фикусы, кусты южной акации и лавровые деревья.

Тысячи различных цветов наполняли воздух оранжереи своими ароматами: пестрые с терпким запахом гвоздики; яркие японские хризантемы; задумчивые нарциссы, опускающие перед ночью вниз свои тонкие белые лепестки; гиацинты и левкои – украшающие гробницы; серебристые колокольчики девственных ландышей; белые с одуряющим запахом панкрации; лиловые и красные шапки гортензий; скромные ароматные фиалки; восковые, нестерпимо благоуханные туберозы, ведущие свой род с острова Явы; душистый горошек; пеонии, напоминающие запахом розу; вервена, цветам которой римские красавицы приписывали свойство придавать коже особенную свежесть и нежность и потому клали их в свои ванны, и наконец, великолепные сорта роз всевозможных от-

тенков: пурпурного, ярко-красного, пунцового, коричневого, розового, темно-желтого, нежно-желтого, палевого и ослепительно-белого.

Другие цветы, лишенные аромата, отличались зато пышную красотой, как, например, холодные красавицы камелии, разноцветные азалии, китайские лилии, голландские тюльпаны, огромные яркие георгины и тяжелые астры.

Но было в оранжерее одно странное растение, которое, по-видимому, ничем не могло бы обратить на себя внимание, кроме разве своей уродливости. Прямо из корня выходили у него длинные, аршина в два, листья, узкие, мясистые и покрытые острыми колючками. Листья эти, числом около десяти, не поднимались кверху, а стлались по земле. Днем они были холодны, а ночью становились теплыми. Цветы никогда не показывались между ними, но зато торчал вверх длинный, прямой зеленый стержень. Это растение называлось Столетником.

Цветы в оранжерее жили своей особенной, для людей непонятной жизнью. Конечно, у них не было языка для того, чтобы разговаривать, но все-таки они друг друга понимали. Может быть, им для этого служил их аромат, ветер, который переносил цветочную пыль из одной чашечки в другую, или теплые солнечные лучи, заливавшие всю оранжерею сквозь ее стеклян-

ные стены и стеклянный потолок. Если так изумительно понимают друг друга пчелы и муравьи, почему не предположить, что, хоть в малой степени, это возможно и для цветов?

Между некоторыми цветами была вражда, между другими – нежная любовь и дружба. Многие соперничали между собою в красоте, аромате и высоте роста. Иные гордились древностью рода. Случалось иногда, что в яркое весеннее утро, когда вся оранжерея казалась наполненной золотой пылью и в распутившихся чашечках дрожали алмазы росы, между цветами начинался общий несмолкаемый разговор. Рассказывались чудные благоухающие истории о далеких жарких пустынях, о тенистых и сырых лесных уголках, о диковинных пестрых насекомых, светящихся ночью, о вольном, голубом небе родины и о свободном воздухе далеких полей и лесов.

Один только урод Столетник был изгнанником в этой семье. Он не знал никогда ни дружбы, ни участия, ни сострадания, ни разу в продолжение многих длинных лет ничья любовь не согрела его своим теплом. И он так привык к общему презрению, что давно уже переносил его молча, затаив в глубине души острое страдание. Так же привык он быть и постоянным предметом общих насмешек. Цветы никогда не прощают своим собратьям уродливости.

Однажды июльским утром в теплице распустился цветок редкой кашемирской розы, темно-карминного цвета, с черным бархатным отливом на сгибах, удивительной красоты и чудного запаха. Когда первые лучи солнца заглянули сквозь стекла и цветы, проснувшись один за другим от легкой ночной дремоты, увидели распутившуюся розу, то со всех сторон слышались шумные возгласы восхищения:

– Как хороша эта молодая Роза! Как она свежа и ароматна! Она будет лучшим украшением нашего общества! Это наша царица.

И она слушала эти похвалы, стыдливая, вся рдеющая, вся облитая золотом солнца, точно настоящая царица. И все цветы в виде приветов наклоняли перед ней свои волшебные венчики.

Проснулся и несчастный Столетник, взглянул – и затрепетал от восторга.

– О, как ты прекрасна, Царица! – прошептал он. И когда он это сказал, вся оранжерея наполнилась неудержимым смехом. Закачались от хохота надутые чванные тюльпаны, вздрогнули листья стройных пальм, зазвенели белые колокольчики ландышей, даже скромные фиалки улыбнулись сострадательно из своих темных кругленьких листьев.

– Чудовище! – закричал, задыхаясь от смеха, толстый Пион, привязанный к палке. – Как у тебя достало

дерзости говорить комплименты? Неужели ты не понимаешь, что даже твой восторг отвратителен?

– Кто это? – спросила, улыбаясь, молодая Царица.

– Этот урод? – воскликнул Пион. – Никто из нас не знает, кто он и откуда. Он носит очень глупое имя – Столетника.

– Меня сюда привезли совсем маленьким деревцем, но он и тогда был так же велик и так же гадок, – сказала высокая старая Пальма.

– Он никогда не цветет, – сказал Олеандр.

– Но зато весь покрыт колючками, – добавил Мирт. – Мы только удивляемся тем людям, которые к нам приставлены. Они ухаживают за ним гораздо больше, чем за нами. Точно это какое-нибудь сокровище!

– Я вполне понимаю, отчего за ним так ухаживают, – сказал Пион. – Подобные чудовища так редки, что их можно отыскать только раз в сто лет. Вероятно, он за это и называется Столетником.

Так до самого полудня насмехались цветы над бедным Столетником, а он молчал, прижав к земле холодные листья.

После полудня стало нестерпимо душно. В воздухе чуялось приближение грозы. Тучи, плывшие по небу, делались все темнее и темнее. Становилось трудно дышать. Цветы в истоме поникли нежными головками и затихли в неподвижном ожидании дождя.

Наконец вдали, точно рычание приближающегося зверя, послышался первый глухой раскат грома. Наступило мгновение томительного затишья, и в доски, которыми садовники быстро прикрывали стекла оранжереи, глухо забарабанил дождь. В оранжерее стало темно, как ночью. И вдруг Роза услышала около себя слабый шепот:

– Выслушай меня, Царица. Это я, несчастный Столетник, восторг которого перед твоей красотой вызвал у тебя утром улыбку. Ночная темнота и гроза делают меня смелее. Я полюбил тебя, красавица. Не отвергай меня!

Но Роза молчала, томясь от духоты и ужаса перед грозой.

– Послушай, красавица, я уродлив, листья мои колючи и некрасивы, но я открою тебе мою тайну. В девственных лесах Америки, там, где непроницаемые сети лиан обвивают стволы тысячелетних баобабов, куда не ступала до сих пор человеческая нога, – там моя родина. Раз в сто лет я расцветаю только на три часа и тотчас же погибаю. От моих корней вырастают новые побеги, для того чтобы опять погибнуть через сто лет. И вот я чувствую, что через несколько минут я должен расцвести. Не отвергай меня, красавица! Для тебя, для тебя одной я буду цвести и для тебя умру!

Но Роза, поникнув головкой, не отвечала ни слова.

– Роза! За один только миг счастья я отдам тебе целую жизнь. Неужели этого мало твоей царственной гордости? Утром, когда взойдут первые лучи солнца...

Но в это мгновение гроза разразилась с такой страшной силой, что Столетник должен был замолчать. Когда же перед утром кончилась гроза, то в оранжерее раздался громкий треск, точно от нескольких ружейных выстрелов.

– Это расцвел Столетник, – сказал главный садовник и побежал будить владельца оранжереи, который уже две недели дожидался с нетерпением этого события.

Доски со стеклянных стен были сняты. Вокруг Столетника молча стояли люди, и все цветы с испугом и восхищением обернули к нему свои головы.

На высоком зеленом стержне Столетника расцвели пышные гроздья белоснежных цветов невиданной красоты, которые издавали чудный, неопишуемый аромат, сразу наполнивший всю оранжерею. Но не прошло и получаса, как цветы начали незаметно розоветь, потом они покраснели, сделались пурпурными и, наконец, почти черными.

Когда же вошло солнце, цветы Столетника один за другим завяли. Вслед за ними завяли и свернулись уродливые листья, и редкое растение погибло, чтобы

опять возродиться через сто лет.

И Царица поникла своей благоухающей головой.